

КАЛИНИНГРАДСКАЯ РАБОЧАЯ ГРУППА "93 IN 39"
КЛУБ ПОЭЗИИ И АВТОРСКОЙ ПЕСНИ "АДЕЛАИДА"
И БРАТСТВО ПО ВОДЕ (АЛЬТЕРЫ ПАЛАНГАМЕНЫ)

ПРЕДСТАВЛЯЮТ

А

А

А

А

И

Г

А

М

Е

И

А

Л И Т Е Р А Т У Р Н Ы Й

А Л Ь М А Н А Х

Н А Р О Д А З В Е З Д Ы

ВЫП. 32. НАСТЯ КИТАЕВА

НАТАЛЬЯ ИГНАТОВА

НАТАЛЬЯ ЛЕВИНСКАЯ

НИКА ВЕТЕР

НИКОЛАЙ РЕМИЗОВ

НОАЭЛЬ

НОСФЕРАТУ

НУРДАЛЬ

Литературный альманах Народа Звезды

ДАДАНГАМЕНА

Вып. 32.

*Антология материалов 2002-2006 года
с корректурой и добавлениями.*

*Копирование и распространение всего журнала и его отдельных материалов
разрешено и приветствуется при условии ссылки на автора материала
и указания электронного адреса журнала (<http://apokrif93.a-z-o-t.com>).*

Сopyright:

- © Клуб поэзии и авторской песни
«Аделаида», 2002-2006;
- © Братство по Воде, 2002-2006;
- © Калининградская рабочая группа
«93 in 39», 2012;

а также авторы журнала:

Настя Китаева
Наталья Игнатова
Наталья Левинская
Ника Ветер
Николай Ремизов
Ноэль
Носферату
Нурдаль

Algidus

(рисунок на обложке)

Редактор, корректор, верстальщик:
Fr. Nyarlathotep Otis.
236000 Калининград,
ул. Нарвская 17, 11.
<http://alther.narod.ru>
<http://apokrif93.a-z-o-t.com>
E-mail: 93in39@gmail.com

Настя Кумарева

* * *

Ей говорили: так и так,
Мол, ждать уже смешно,
Она в ответ им белый флаг
Отправила на дно.

Ей объясняли: путь назад
Смерть крепко сторожит,
Но пристальней её был взгляд
И жарче шёпот: «Жив!»

Слух о другой, шептали ей,
Дошёл, мол, до ушей.
Она смеялась: «Тем скорей
Поймёт, что я нужней».

Врачи шептались меж собой,
Мол, бред, но как лечить?..
А он вернулся впрямь живой,
Не дав вопрос решить.

И вновь гадали, в чём секрет,
Шептались там и тут...
Они прожили много лет
И до сих пор живут.

Кончита

...И бесконечно долгим взглядом на волну,
Когда дороже жизни то, что на кону.

А все вокруг как будто заодно —
Вещатели того, что суждено.

Уже давно готовы свечи к образам,
Но есть ещё на свете улица Сезам —

Секрет, дающий силу только ей,
Кончита его спрячет от людей.

Она читает знаки, она видит сквозь,
А все вокруг твердят, что сорвалось,

Как день-деньской понятно — мир в бреду,
Но некогда — простит их на ходу...

Корабли

Мне мерещатся корабли,
Скрип и шелест, мачта и парус —
Это стрелки перевели,
Это я никогда не состарюсь.

Я губами чувствую соль —
Что-то всё-таки сделать надо,
Ключ скрипичный с резьбой косою —
Может, дверь тоже где-то рядом.

Что-то делать... но что? Куда?
И с чего эта мысль, что надо?
Ведь бывают ещё поезда,
Рельсы-шпалы — след детского сада.

Самолёту легко без земли,
Блеск стекла отличит икарус,
Но мерещатся корабли,
Скрип и шелест, мачта и парус.

От беды до беды

Видимость смеха,
Когда не смешно,
Скорлупа без ореха,
Глухое окно.

На пыльном стакане чужие следы,
Мой день — от беды до беды.

Короткая встреча,
Да взгляд поперёк,
Ни капли не легче,
Лишь бегству предлог,

Проклятая жалость сильнее вражды,
Мой день — от беды до беды.

Законов хранитель
И мыслей знаток,
На память возьмите
Мой белый платок —

В нём только любовь да прощальные льды —
Мой день — от беды до беды.

От избытка кислорода

От избытка кислорода
Не пора ли на природу?..

Не пора ль тебе на ветер —
Вряд ли кто-нибудь заметит,

Вряд ли кто-нибудь заглянет.
Выбери себе поляну

Или рощу, или чащу,
Там, где воздух настоящий

От корней до листьев вздоха.
Быть собой совсем не плохо,

Человек — такое диво,
Говорят, в нём всё красиво,

Да вмешался некто с дёгтем,
Прыг под сердце — и залёг там.

Но в висках, росточком с ноготь,
Бьётся мысль: так не должно быть!

Чувством ли, расчётом, слогом
Всё выходит — мир от Бога.

Хочется быть чем-то лучшим —
Некто с дёгтем ловит случай:

Вот синица для начала —
Ветром лодку раскачало,

Дальше всё само собой,
Только с счастьем перебой.

*

А в лесу всё так же звонко,
Так же липок шлем маслénка,

За чертой — игра и мода,
И не меньше кислорода.

Сон

Я давно вне всяких рамок,
Вне законов и систем,
В поисках святого храма
Вышла из привычных стен.

Всюду новые ячейки
Из знакомых мне людей, —
Я ж зачем-то на скамейке,
Поезд непонятно чей.

Он как будто даже едет,
Только путь мне незнаком,
Лишь сменяются соседи,
И с чего-то в горле ком.

Все во много раз умнее,
Знают цену бытия,
Но как все, я не умею,
Или все — не так, как я?

Только декабрь

Это только декабрь, и чуда в нём нет,
Каждый месяц хранил для намёка предмет,

От зелёных чернил мир был светел и мил,
Но пришло время дёгтя и серых чернил.

Мир такой, какой есть, он ни чёрен, ни бел,
Но с утратой мечты чем восполнить пробел?

Как вернуть жизни прежний сияющий вид,
Если всё изнутри пустотою болит?

Всё образуется,
Боль имеет свой предел,
Кто-то новый вдруг пройдёт
По той же улице,
Куда ты вернуться так
И не успел...

* * *

Усталость переходит в пустоту,
И серый цвет приобретает силу,
Возможно, крылья снова отрастут.
Ну, а пока живу себе бескрылой.

Всё то, что сердце жгло день ото дня,
Само собой утихло понемногу,
Но отблески вчерашнего огня,
Возможно, вновь пробьют себе дорогу.

Часы выстукивают: «Потерпи чуть-чуть!»
Чем кормится надежда — непонятно.
Но сердцем чую, что открылся путь,
Который приведёт тебя обратно.

* * *

Частью черты ваши памятью стёрты,
Что ж вы мерещитесь в каждом четвёртом,
С дочкой, женою, коляской, собакой —
Сил нет надеяться, сил нет заплакать.

Да, вы вольны жить своими делами,
Вам невдомёк, что болею я вами,
Если в той встрече не значилось смысла,
Чем оправдать ту тоску, что нависла?

Наталья Гришанова

Единорог

Скальная площадка обрывается в бездну, рушится стремительно и неотвратно; страшно глянуть туда, вниз, и не глянуть страшно.

А внизу скалы. Острые пики рвут в клочья вялые, бесформенные туши облаков.

Далеко отсюда, на другом материке, на севере, Он идёт по дикому, свое нравному, загадочно-неприступному лесу. Он идёт. И белоснежное изящное тело скользит между огромными стволами деревьев. Колонны солнечных лучей рушатся на землю, и круп Его сияет в этом свете. И стройные копыта не приминают короткой, тёмно-зелёной травы в алых веснушках земляники.

Дивно-прекрасен Он, изумительное творение Света, хранитель добра и покоя. Прекрасны чёрные глаза его, глубокие и влажные, в обрамлении острых ресниц. Прекрасен изгиб стройной сильной шеи, что бликует на солнце, смягчённом изумрудным сиянием. Прекрасна золотая грива, струящаяся шёлковой волной, непокорная грива, никогда не знавшая гребня и ножниц, грива, в которую не влетали лент, которой не касалась ничья рука. Прекрасно стройное тело его, поджарое и лёгкое. И ровно ходят литые мускулы под атласной, ослепительно-гладкой кожей. И легко ступают точёные ноги. И раздуваются тонко вырезанные ноздри, вдыхая запахи чуждого всем, но родного ему леса.

Боги! Увидеть бы! Один лишь раз увидеть! И, кажется, ничего не нужно больше. Ведь не создал мир ничего чудеснее, чем этот изумительный зверь. Увидеть. Почти экстатический восторг от зрелища, которого достойны лишь Боги.

Да.

Лишь Боги.

И невозможность, несбыточность мечты давит, жжёт. Сколько столетий уже? Кажется, я готов стать Богом за один лишь миг. За один миг наслаждения этой Красотой. Но косный язык никогда не найдёт правильных слов. Он не умеет. Я — не умею. Не умею объяснить. Не умею сказать. Спросить лишь могу:

— Почему Единорог и Кракен? Ведь традиционно Его противник Василиск.

— Да чтобы не передрались. — Грифон презрительно щёлкает клювом. — Эти Хранители просто не могут существовать в одном пространстве. Вот и сунули одного в воду, а второго в такую глушь, куда никто добровольно не полезет. Ну разве что придурки вроде тебя.

А понимание, оно ведь не сразу приходит. Медленно оно идёт. Постепенно. Иначе все предохранители слетят к чёртовой матери.

— Что значит, чтоб не передрались?

— Ну, чтобы войны не было, — охотно объясняет Грифон. — А-то мало того, что эти двое друг друга прикончат, они ведь ещё и полмира за собой утянут.

— Единорог обязан защищать...

— Да ему волю дай, он сам с радостью нападёт. Это ж Свет. А Кракен — Тьма. Оба хороши.

— Ты хочешь сказать, Он способен развязать войну?

— Пфе! — изрекает Грифон. Я не знаю, как пфекают клювом, но он это умеет.

— Не верю.

— Твоё дело. — Он пожимает крыльями. Чертыхается. Принимает человеческое обличье и пожимает плечами.

А сказка рушится. Ломается сказка. Лопается со звоном, и летят-летят прозрачные, ранящие осколки. В бездну под ногами. Тонкие льдинки. В кровь рана рыхлую плоть облаков.

Красота НЕ МОЖЕТ убивать!

Ещё одна глупая мечта. Ещё одна несбыточная сказка. Ещё один мираж. Бред. Кошмар.

— Р-романтик, — констатирует Грифон. — Смотрит со снисходительной жалостью. — Пойдём, выпьем.

— Пойдём.

Лаирри

Солнце коснулось пальцами твоих волос, тонкими, прозрачными, золотыми пальцами. И не смогло, не захотело погаснуть. Восхищённое, изумлённое, растерянное.

Когда это было?

Так недавно, господи. Тогда же, когда ты родилась.

Закатное небо зажгло зелёный луч, тот, единственный, который дано увидеть лишь немногим. Я видел его. Я знаю, какого цвета твои глаза.

В них прозрачные волны, доверчивые и звонкие, как тёплые хрустальные котятки. В них чистые переливы песен прибоя. В них просвеченная луной ярость штормовых валов. И в них солнце.

Во всей тебе солнце.

Солнечная улыбка.

Солнечный взгляд.

Солнечные волосы.

И хрупкая надломленность гаснущего луча.

Столько вызова в голосе, в словах, в стремительных и точных... точёных... отточенных движениях. Столько бравады и незащитности.

У тебя жёсткие ладошки. У тебя упрямый подбородок. В тебе воля, и сила, и мужество, доступные не многим мужчинам.

Но сводит с ума изящно вырезанный изгиб от талии к широким, округлым бёдрам. И щемлящая нежность в идеальных полушариях твоей груди. И кожа у тебя... Боги, какая у тебя кожа. В ней солёный ветер, в ней жестокость пустынь, в ней холод светлого утра и дразнящий жар безлунной ночи.

Чего ты боялась, боишься, будешь бояться?

От чего прячешься в собственной, созданной для света душе?

Острая, убийственная, гибкая, тонкая, как эйнэмская сабля.

Большеглазая, ломкая, чуткая, нежная.

Женщина.

Живая. Женщина моря и солнца.

Лаирри. Лири. Лауреллас.

Как имя твоё? Имя, а не глупое, смешное, наивное прозвище. Оно подходит тебе не больше, чем дерюжное платье принцессе крови. Грубой ткани не скрыть благородства осанки, не спрятать привычки повелевать и царить. Глупому прозвищу не убить твою красоту. Твою настоящую красоту.

Ты не хочешь увидеть её? Сравниваешь себя с другими. Меряешь, измеряешь, вымериваешь.

Ты знаешь о ней. Ты не сомневаешься в ней. Ты давно уже всё поняла и решила.

Неповторимая, неподражаемая, дочь солнца и прозрачной воды. Или сестра? И кем приходится тебе хрупкая льдинка месяца? А злая снежная крупа, до крови рассекающая лица? А сумасшедший летний дождь, налетающий с шумом и яростью и оставляющий за собой пьяную свежесть? Ты родственна по крови жёстким изломам молний. Ты своя для призрачного цветка одуванчика.

Ты...

Я лучше нарисую тебя. Я нарисую солнце и океан, и метель, и летнюю грозу, и полуночный дождь, и соловьиную песню, и крик падающего на добычу сокола.

Я нарисую.

Это будет мир.

И это будешь ты.

И это, наверное, будет правильно.

Орда

— Хурра!

В топоте копыт несущейся конницы нет ритма. Он — одна огромная, бесконечная волна, летящая и летящая без остановки, без препятствий, на незащитный, пологий берег.

— Хурра!

И конь пластается подо мной в бешеном полёте. В лицо бьёт ветер. Он свистит. Как свистят, срываясь с тетивы, идущие в цель стрелы. Точно в цель. Точно.

А рядом со мной, чуть пригнувшись к лошадиным шеем, мчатся всадники.

И топот. Топот. Топот копыт. И свист.

Орда.

Затягивает, завораживает, уносит стремительная скачка. Никогда и нигде не рождается такого чувства слитности. Ощущения себя частью неудержимой, чудовищной силы. Частью. И самой силой. Ощущения себя всемогущим. И тех, кто рядом, частью себя. И уже не важно, зачем летим мы вперёд. Важно лишь, что там, впереди, враг. Нужно мчаться. И убивать. Потому что мы — Орда.

Налетает, сметает, уносит гулкий топот копыт. Гулкий, дробный, непрерывный.

Мы мчимся. И вместо привычного «Фокс!» рвётся из груди грозное и страшное:

— Хурра!

Летит между ушей жеребца степь.

Стелется под ноги коням.

Волна.

На берег. Пологий берег.

Орда.

На врага. Беззащитного врага.

А перед Ордой, одна за другой, туча за тучей, как дождевые струи, хлещущие с чёрного неба, летят стрелы. И каждая убивает.

Мы мчимся.

— Хурра!

Всё ближе берег.

Всё ближе враг.

Всё ближе.

Всё...

Мечи!

И бешеная свистопляска смерти.

Я вернулся

Здравствуй, мама. Вот я и вернулся.

Здравствуй, отец.

Триста лет прошло. Триста, и ещё пятьдесят. Так долго. Я так долго не был дома, и вот, наконец, вернулся.

А вы не рады, я вижу. Почему?

Вы не рады кораблям, десяти моим кораблям, что стоят на рейде. Чем же они мешают тебе, мама? Чем они мешают тебе, отец? Ведь это не боевые суда, это транспортники, самые обычные транспортники, а на них люди. Не самые обычные люди, но... Это мой народ. Это всё, что осталось от моего народа.

Почему ты не улыбнёшься мне, мама?

Почему ты молчишь, отец?

Я вернулся.

Домой.

Как я попал в замок? Это вместо «здравствуй, сын»? Н-ну, лучше, чем ничего. Знаешь, мама, а у моего народа детей встречают иначе. Даже совсем уже взрослых детей.

Я не взрослый? Ах, да, разумеется, по вашим законам я не успел ещё вырасти. Что поделать, мама, не успел. И не успею. Потому что по *моим* законам я уже стар. Очень. Ты смотришь так снисходительно, мама. Ты так странно улыбаешься, отец. То, что я сказал, кажется вам смешным? Что ж, будем считать ваши улыбки радостью. Вы ведь рады, что я вернулся? Да?

Нет, я не в гости. Да, я надолго. Я вернулся насовсем. Я прошу у вас гостеприимства. Для меня и моего народа. Это так немного, право же, так немного. Нас всего тысяча, людей и нелюдей. Для нашего замка — капля в море.

Ты всё-таки хочешь знать, как я попал сюда? Мама-мама, ну зачем спрашивать об этом? Я пришёл. Ведь это мой дом. Неужели ты думаешь, что он не узнал бы меня? Или: вы перестраивали замок?

Перестраивали. Ну конечно, вот почему мне показалось, что подводные коридоры стали другими. Я полагал, что просто забыл: но разве я могу забывать? И твари, населяющие замок, тоже изменились. Смешно сказать, некоторые пытались меня укусить. Не узнавали. Меня... Не узнавали кровь Т'Хангов. Странное дело — ведь для этого тварей нужно было бы натаскивать специально.

Сиди, где сидишь, отец. И ты не двигайся, мама. Я вернулся. Другим.

Старым.

И я очень устал.

Мне нужен мой дом. Дом нужен моему народу. Вы против? Сожалею.

Вы маги? Да? Правда?

А я — мечник.

Прости, отец.

Не кричи так, мама. Я не люблю, когда женщины кричат. Прости меня, мама...

Я вернулся.

Всего лишь.

Намања **Д**евинскаја

Откровение

На скамье сидит человек. Он скрестил руки на груди, закинул ногу на ногу, чуть склонил набок голову. Чёрная прядь волос стремительным росчерком покрывает ему левый висок, губы сжаты в мудром безмолвии. Контуры его силуэта источают скрытую силу и достоинство, черты мрачного лица благородны. Красота его проста, простота его изысканна.

Человек этот ничем не отличается от остальных, ибо он выше различий и сравнений. Он спокоен и невозмутим, ибо ему всё ведомо и знакомо. Час поздний, но он никуда не торопится, ибо здешнее время ему безразлично.

Он не поднимает очей к звёздам — он смотрит на нас свысока. Он может всё — и ничего не желает. Он способен разговаривать с Богом, но тому не дано ему понять. И всё же человеку необходимо выговориться, ибо иссякли силы сдерживать поток боли, и потому он сидит на скамейке в парке, а супротив него Вселенная, Природа, и ей первой за всё существование он открывает свою душу.

— Я пришёл к тебе, — изрёк он.

Здравствуй, я с тобой, отвечала ему Невинная, подобно тому, как отвечает всякому, кто отыскал путь к единению с ней. Что привело тебя ко мне, о дьявол?

— Не зови меня так, я явился к тебе не воплощением зла, и говорить буду не от его имени.

Но кто же ты тогда, вопрошала Непознанная, ибо знала дьявола от рождения его, и никогда от себя он подобным образом не отрекался.

— Я есть несчастье.

Но зло — суть несчастья, отвечала ему Скорбящая, и осколки судеб, разбитых её собеседником, вторили её словам.

— Я есть несчастье самому себе, — и странно было видеть горькую усмешку на этом лице. — Адовы муки ничто рядом с моим страданием, и земные печали насмешка над моим горем. Сердце мне дано лишь для сожаления и горечи, и одиночество моё страшнее небытия. Понимаешь ли ты меня, не знаю, и если ты не поймёшь, то больше некому, но молчать дальше я не намерен.

О чём же страдаешь ты, вопрошала Гармоничная, ты, в могуществе подобный Богу, ты, любимец человеков, ты, властитель умов и душ? Да умеешь ли ты страдать, жестокий и коварный, лстивый и неверный, проклятие и гибель всего живого?

— Гнев твой поспешен, уймись! А скорбь моя о загубленных мною, о тех, кого сбил я с истинного пути, кому затуманил голову, чью руку поднял на его же брата, чей разум восставил против его же Господа, чьё счастье стёр в пыль, чьи слёзы горше воды океанской, чьи стенания доносятся даже до Рая и тревожат праведников души. За каждого человека и за всех вместе взятых страдаю я, и боль и мучения их возвращаются ко мне стократ сильней, страдаю оттого, что всё моё — тьма, не от Бога, а всё светлое, божественное — не моё. Зачем мне власть над гниющими душами, какой прок в любви осквернённых грехом? Ненавижу я зло, что есть суть моя — ненавижу себя.

Внезапно чёрные глаза его заискрились зелёным, диким светом, отчаянье и сомнение сквозили в них.

Ты сам избрал путь такой, возражала Загадочная, зачем же ропщешь, зачем жалуешься и ищешь виновных в своих деяниях? Не неволил тебя Господь и не гнал от Света Своего, и не учил злу.

— Воля была, но выбирать было не из чего. И не было Света, как не было мрака, пока не разошлись я и он. И добро было так непознаваемо и неопределённо, что ни я, ни ты не могли бы его себе представить. Во имя Добра, его славы, Совершенства, великолепия я обратился во зло и обрёл себя на вечные муки. И заметь, не ищущи сочувствия, и не надеюсь на понимание, и участь моя гораздо страшнее участи самого закоренелого, нераскаявшегося грешника, потому что как бы ни был близок человек ко мне, он обретёт Рай, ведь у него остаётся то, чего я, владеющий всем, не имею, самого главного, простого, но недостижимо ценного и великого — надежды на милость и спасение. Раскаяние моё тщетно, и боль моя неутешна.

И надолго поникла Безмолвная, но дьявол с вызовом глядел на неё, он испытывал её, и лукавые глаза его сверкали ледяным огнём.

Не понравилась бы Богу беседа эта, но не было Его рядом, ибо вездесущ он, но не всеведущ, и потому отвечала Смиренная сидящему на скамье в надменном ожидании: таков порядок вещей, не мы его создали, не мы решили, что для того, чтобы поделиться с людьми совершенством мира, надо показать и его уродство, и неповинен никто в твоей доле. Гордишься ты своей жертвой и хвалишься своей болью, и умаляет это твою искренность.

Потухли глаза дьявола, мирной карей пеленой подёрнулись, и ответил он:

— Не горжусь и не хвалюсь, хоть мог бы, ведь без толку — сладость гордости не покроет мук вневременных, и смирение не спасёт меня, и заповеди главные соблюдаю зря, ведь, любя Бога и желая Ему славы вечной, вечным врагом его пребываю, и любя людей более себя, нескончаемые муки и искушения им приношу. Не знаю, кто создал и устроил так, кто придумал мысль, основанную на относительности, но несправедлив этот закон и жесток.

Несчастен вправду ты, вздохнула Добрая, и чем утешить тебя, не ведаю. Помни, пожалуй, что люблю тебя, как и всех, и не меньше всех. И не стану впредь величать тебя дьяволом, но Люцифером, ибо ты был им в начале начал и остаёшься им в сердце своём.

И отвечал ей Люцифер, сплетя холёные пальцы за головой и обдав темноту голубыми переливами очей:

— Многие любят, да не то счастье. Не жалеет никто, даже Бог Всемиловитивый, и это ужасно.

Встал Люцифер со скамьи и уверенной поступью двинулся вперёд по аллее. Жесткие его руки покоились в карманах, и могучий торс скрывал восходящее солнце. Вековые деревья склонялись перед ним, но из страха; дорога стелилась ему под стопы, но угождения ради; всеобъемлющее небо покрывало его, но по необходимости. А вслед ему глядела Вселенная и ждала, что вот

оборотится он и явит ей лукавую, до боли знакомую и каждый раз иную полуулыбку, и всё станет как прежде. Но Люцифер шёл, чуть сутулясь, вперёд...

Тогда вновь припомнила Природа последние слова его, и тревожно и горестно сделалось ей: Нет жалости мне, и значит, спасения нет, и *это* ужасно.

Huka Bemeq

Антихрист

Тихо смотрят облака
На земные пересуды.
Ты придёшь издалека,
Ты придёшь из ниоткуда.

Ты — метафора, ты — миф,
Но тебя мы ждём с тревогой.
Уведёшь ты слуг своих
Замогильной той дорогой,

По которой смерть идёт,
Забирая чьи-то души.
Там проклятие живёт,
Что трусливый разум глушит.

Ты придёшь в урочный час,
Выполняя предсказанье.
Может, ты уже средь нас,
Лишь пока не узнаваем.

У тебя своя судьба —
Разрушения и мрака,
Безнадёжная борьба
Без пощады и без страха.

И ещё одна ступень
Будет пройдена в июле.
И наступит новый день —
Радость уцелевшим людям.

Ты ж уйдёшь в свой мрак ночной,
В неизвестный сумрак мгlistый.
Ты — нездешний, ты — чужой,
Но ты нужен здесь, Антихрист.

Меч

...Их было трое. Они явились сюда для древнего, как мир, Ритуала — Ритуала Рождения Меча. Ибо настало время прийти в этот мир великому воину и великому поэту...

...Их было трое. Три призрачные фигуры, укутанные в серые плащи, склонились над алтарём, и густой полночный воздух пронизала тончайшая трель древнего напева. Ярче алела руническая вязь на серой поверхности камня, и звёзды в вышине чутко прислушивались к пению, а в горне тихо затрепетала, затеплилась первая искорка того Огня, в котором родится великий Меч — и великое Знание для будущего воина и поэта...

...Дрогнули горы, на миг замерли и вновь зашелестели леса, встрепенулись чуткие ночные зверушки, настороженно втягивая торжественный ночной воздух, ветер и море, казалось, спрашивали друг друга: что? чьё рождение в этом мире заставило встрепенуться всю природу?..

...Любопытная звезда высоко на небосклоне ярче замерцала, повинувшись внезапному порыву, и вдруг сорвалась вниз и замерла на навершии рукояти новорождённого Меча. И холодное лезвие дрогнуло в ответ, и отражённый блик Огня из горнила вознёсся ввысь, и новая звезда засияла в прозрачно-тёмном небе...

...Мать нежно укрыла малютку сына, родившегося в эту ночь. И дюжины часов не исполнилось ему, но глаза его сияли холодным пронзительным блеском. Мать не видела их сияния: усталая, она тихо склонила голову к колыбели, и блаженный сон окутал её чело...

...Шли годы. Мальчик рос, незаметно текло время. В тихие ночные часы он полюбил сидеть в одиночестве и созерцать звёзды. И с неба только ему — ему одному! — улыбалась одна-единственная звезда, хранившая его покоем своего света. И мальчик, наполняясь этим покоем, думал, мечтал и учился творить, помещать в каждое дело своего дня частицу света той звезды, имени которой он не знал, как не знал и о самом её существовании, и о миссии, бремя которой он нёс с рождения...

...Как драгоценный фиал, наполненный светом, нёс мальчик в себе тайну звезды. И случилось то, чего не могли предвидеть Трое, когда при свете горна и древних рун, под звуки древних песнопений рождался Меч: мальчик стал Путником. Необъяснимая страсть к путешествиям зрела в нём и, наконец, завладела его помыслами. Лёгкой походкой он двигался по Земле, неслышно ступая на хрупкую гальку и нежные стебли травы, даже не гнущиеся под его ногой. И губы его шептали слова — слова складывались в строчки, строчки — в строфы...

...Великий дар Поэта влил в его душу покой и боль одновременно, а сердце вело всё дальше, по тому Пути, что соткали слабые лучи улыбочивой звезды. И только Воин спал в нём — лишь в строках его стихов звенели мечи и гулко отдавались в скалах боевые кличи...

...Их было трое. Они сидели рядом, и спереди от них был потухший горн, а сзади — серый камень с едва заметной алой рунической вязью, а над ними тихо посверкивала та звезда...

...Послышался шорох чьих-то шагов, и в пустынном ночном воздухе отчётливо зазвучали слова, как обрывки длинного повествования:

*...I чёрной, полуночной темени стяг
Вознёся над призрачной мглой.
До бездны остался единственный шаг —
Решительный шаг предо мной.*

*Я слёзы скутые в кулак соберу
II лунного силой огня
III соль переплавлю в стальную руду,
II Меч откую для себя...*

...На холме возник юноша. На его устах стыли те самые слова, что глухой болью отозвались в сердце Троиц. Юноша прямо и открыто посмотрел Троиц в глаза и тут же перевёл взгляд на камень.

На камне лежал Меч...

...— Мой Меч... — тихо сказал юноша, и пальцы его легли на холодную посеребрённую рукоять. Спрятавшись в переливах лунного света, звезда, незримо венчавшая его навершие, улыбнулась своей приятельнице на небе и тихо подмигнула юноше. Но он не заметил её, крепче стискивая пальцы на холодном металле. Впервые в нём проснулся Воин, — и, встав рядом с Поэтом и Путником, склонил голову, вбирая в себя покой холодного звёздного света...

...Звезда спустилась пониже, посылая своё благословение тому, кто взял Меч. Заалели руны на камне, и невыразимо прекрасная мелодия пронзила тишину, наполняя юношу музыкой, сплетая, соединяя воедино все три его ипостаси...

...Новорождённый Творец коротко кивнул Троиц, и нога его впервые ступила на звёздный мост между той дрожащей искоркой, улыбавшейся столько лет ему с вышины, и навершием рукояти его Меча. Тропинка дрогнула и начала таять у земли, а он ушёл далеко вперёд и ввысь по своему неведомому Пути. Трое поглядели ему вслед и склонили головы...

...Где-то далеко рождалась новая Вселенная...

О смерти

Смерть открывает такие дороги, о которых и не смели мечтать живые. Не нужно бояться смерти — ведь не боятся же люди рождаться. Смерть — это освобождение от глупых привязанностей скучного мира, передышка, отдых натруженной душе, хранилище силы для нового вступления в жизнь.

Дорога самоубийцы похожа на ленту Мёбиуса — возвращение к месту исхода. Если человек не виноват в своей смерти — даже если он очень хотел умереть, — то он волен сам выбирать свой путь. Кто знает, зачем я на этой земле, — но зачем-то ведь надо. Если меня всё время тянет к той стороне, может быть, в прошлой жизни я что-то не успела или забыла сделать?!

Если человек тянется к смерти — рано или поздно он её получит, но смерть избегает его так же, как ищет тех, кто боится её. Бояться смерти? Бояться расстаться с привычной, обыденной реальностью? Зачем? Даже без обещаний о вечном блаженстве — что может быть лучше неизвестности? Полной неизвестности?

Смерть — лучшее, что ждёт человека на этом пути. У каждого — своя смерть, такая, какой он себе её представляет. И хотя бы ради этого стоит жить...

Песнь ушедшей во тьму

*Я ушла, не прощаясь,
И захлопнула дверь,
И никто не узнает,
Где я буду теперь...*

Я устала от правды, я устала от лжи,
Я устала от пролитых слёз.
Ты не встретишь меня среди горных вершин,
Ты не встретишь меня средь берёз.

Ты не скажешь мне снова: «Привет, как дела?»
И обнять не сумеешь меня.
Ты меня не найдёшь — я навеки ушла
На закате последнего дня.

Я устала смеяться, я устала скорбеть,
Я забыла про боль и про страх.
Я устала пустую надежду терпеть
И искать пониманья в глазах.

Ты не встретишь меня. Не найдёшь. Никогда.
В этом мире меня больше нет.
Посмотри, когда в полночь сияет звезда —
Она сможет придумать ответ.

И навеки застыло моё сердце в груди,
Когда, дерзко отринувши страх,
Я летела сквозь Вечность на Тёмном Пути
На неведомых чёрных крылах.

Я не жду, не надеюсь, не верю почти,
Но тебя я забыть не могу.
Стала призраком я в беспросветной ночи,
Но тебя до сих пор берегу.

Я устала от жизни, бесполезности дел,
Но тебя помню я до сих пор.
Бесприютна навеки — таков мой удел,
И не ставьте мне это в укор.

Ты увидишь мой призрак и узнаешь меня,
Ты почувствуешь боль и испуг.
А любовь твоя больше всё день ото дня,
Но зачем тебе призрак, мой друг?

Право на жизнь

Почему люди убивают? Почему для них человеческая жизнь — жизнь одного из них — ничего не стоит? Не говоря уже о животных, растениях, чьих-то надеждах, стремлениях. Смотрю в окно и никак не могу понять: неужели люди не понимают, что убивают сами себя?

*...И понять не можем мы
(И никто нас не осудит),
Что в войне между людьми
Победителей не будет...*

Неужели они считают себя вправе отнимать то, что не в силах дать? А таких, кто не хочет понимать и принимать их догматы, безжалостно высмеивают, гонят, уничтожают... Люди! Неужели вы не понимаете, ваше время кончилось?! Ваш мир умирает, и немалую роль сыграли в этом и вы.

*...С незапамятных времён
Человечество воюет.
Мы воюем до сих пор.
И никто нас не осудит...*

Ну почему вы такие жестокие, люди? Почему такие безжалостные и самодовольные? Кто вы такие, чтобы позволить себе считать самих себя «царями природы»? Страшно подумать! Почему вы считаете, что имеете полное право вмешиваться в личную жизнь совершенно посторонних вам личностей? У вас нет будущего, а своими войнами сейчас вы уничтожаете собственное прошлое и настоящее. Люди! Опомнитесь!

*...Только крысы, кроме нас,
Смерть несут себе подобным.*

Люди! Неужели в вас не осталось ничего человеческого?

Вы так ничего и не поняли. Вам столько раз говорили, кто вы, что вы, зачем вы здесь. Теперь уже поздно. Выживут лучшие. Те, которых вы всю жизнь гнали, пинали, высмеивали. Лишь они имеют право на жизнь.

*...И по жизни вскачь несясь,
Пусть же нам не стыдно будет,
Что мы носим, не спросясь,
Гордое название «люди»!*

Сети и параллели

Кончается тысячелетие. Религии приходят в упадок, на фоне всеобщей разрухи и бардака процветают всевозможные секты и партии, коих в последнее время появилось больше, чем способно вместить общество. Наше поколение — поколение 90-х — это как грязная пена на затхлой воде. Способ подхода к жизни предыдущего поколения устарел, у нашего — сфера интересов ограничивается алкоголем, наркотиками, сексом и тусовками (которые сами по себе не так уж и плохи, если не принимать во внимание, чем там занимается молодёжь и в каком она обычно состоянии). Современная музыка утратила само понятие мелодичности, смысл современных песен не ясен, наверное, самим сочинителям. Но это ещё цветочки.

То в одном, то в другом месте — в разных точках земного шара вспыхивают военные конфликты, в огромных количествах создаются самые современные виды оружия: ядерного, химического, бактериологического. Мы стоим на пороге ядерной войны. Третья мировая уже началась. Что будет дальше? Сейчас население Земли — это выродки, недостойные даже зваться людьми и вполне преуспевшие в этом. «Недосверхчеловеки». Вернее, «сверхнедочеловеки». Буйствуют эпидемии. Голод, катастрофы, катаклизмы, всевозможные аварии идут сплошным, непрекращающимся потоком. Каждый день гибнут люди. А такого размаха преступности и терроризма не было за всю прошедшую историю. Обо всём этом не раз можно прочесть в пророчествах практически всех предсказателей. Многие из них, как, например, Но-страдамус, даже указывают точную дату «конца света». Но это не тот конец, когда взорвётся планета и потухнет Солнце. Это конец старого общества. Полный крах всей системы, устанавливавшейся несколько тысяч лет (ещё до Рождества Христова). Полное забвение всех идеологий, принципов, лозунгов и призывов. Сколько об этом писали те же фантасты?

Возьмём, скажем, Стругацких: «Гадкие лебеди», «Волны гасят ветер», «Обитаемый остров». С последним вздохом старого общества на дорогу встанут новые личности. Новые по своим стремлениям, по способу общественной жизни... Новые вообще. Их нельзя назвать людьми. Хотя бы из-за их психологии. Гадкие лебеди. Нелюди-людены. Иная цивилизация.

Не случайно именно в XX веке появилось столько книг о так называемых параллельных мирах; о новых поколениях, пришедших на смену старому, изжившему себя обществу и радикально изменивших жизнь. В очень многих книгах современных фантастов проводится параллель между нашим и другим миром (не в пользу первого!), между старым и новым поколением. Причём старое всегда старается подавить молодых, заставить их плясать под свою дудку. «Гадкие лебеди»: «Волчица учит своих волчат: “кусай, как я”, и это правильно, потому что помогает им выжить. Зайчиха учит зайчат: “убегай, как я”, и это тоже правильно. Но когда человек учит своего детёныша: “думай, как я”, — это уже преступление».

У Ника Перумова в роли нового поколения выступают Умники («Враг неведом»), у Стругацких — дети, взявшие в учителя «мокрецов» («Гадкие лебеди»), а также людены («Волны гасят ветер»). Максим Фрай и Андрей Белянин пишут о самих себе, попавших в другие миры и оставшихся там навсегда.

Причём об «исторической родине» они сохраняют самые нелестные воспоминания. Наш мир называют «Мир Паука», «Мир теней», нисколько не ошибаясь при этом. У Роджера Желязны наша многострадальная планета является Тенью некоего настоящего мира («Хроники Амбера»), а в книге Н. Перумова и С. Лукьяненко «Не время для драконов» наш мир — не более чем Изнанка Срединного мира.

А «Хроники Нарнии», весьма подозрительно перекликающиеся с «Апокалипсисом» и кое-какими катренами Мишеля де Нотр-Дам?! Да мало ли таких книг? «Земноморье» Урсулы Ле Гуин, трилогия Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин Колец», а также некоторые его рассказы («Лист работы Мелкина» и др.). Кэтрин Курц в своей книге «Хроники Дерини» повествует о древней расе магов-волшебников Дерини, которых гнали и унижали обычные люди, но которые, в конце концов, оказались чище и благороднее, чем гонители. А если отвлечься от фэнтези и обратиться к НФ, то и там обнаруживаешь очень занимательные вещи. Практически все мрачноватые картины далёкого, по замыслу авторов, будущего начинают явственно проглядывать в окружающей действительности. (Взять хотя бы «451° по Фаренгейту» Р. Бредбери с его телевизионными «родственниками», заменившими всякое живое общение. А теперь взглянем на людей, ежедневно смотрящих до 9 (!) различных сериалов и плачущих и смеющихся вместе с их героями.)

Сам этот факт уже вызывает интерес, но если книги ещё и перекликаются между собой по идее и тематике...

Есть над чем задуматься.

А сколько данных о НЛО и прочих аномальных явлениях появилось в последнее время! (Кстати, отмечена зависимость частоты появлений НЛО от различных глобальных происшествий. Небывалый пик их активности наблюдался и в период с 1938 по 1944 гг.) Кто-то из фантастов писал, что, вполне возможно, разум на нашей планете — результат эксперимента некой могущественной космической цивилизации. В ходе эксперимента произошла какая-то ошибка, и человечество стало развиваться по непредсказуемому пути. Теперь агенты просто ждут, когда мы сами себя уничтожим. (Многим учёным эта теория не кажется такой уж фантастической, см. книги А. Горбовского).

Аналогия. Стругацкие, «Жук в муравейнике», в роли сверхцивилизации — некие Странники, в роли «посева» — «Чёртова дюжина», 13 оплодотворённых яйцеклеток, в роли питомника-инкубатора — заброшенная планета, впоследствии — Земля. Или «Град обречённый» тех же авторов. Таких аналогий проследить можно много, причём научная литература и фантастика перекликаются между собой, ссылаются друг на друга. Вся эта литература представляет собой некий единый клубок, некую сеть, и каждая новая прочитанная тобой книга становится следующим, до того неизвестным звеном. Когда эта сеть (не цепь, а именно сеть, настолько сложны в ней взаимосвязи) станет полной, завершённой, когда не останется больше в ней белых пятен, когда она превратится в чёткую, логически построенную схему, тогда мы узнаем всё...

Умирающий город

А пепел всё сыпался и сыпался. Он засыпал улицы, кружил в воздухе, шуршал в опавших листьях. Он был невесомым, без запаха и предназначения, он рассыпался в пыль от одного прикосновения, но он был! Похожий то на сгоревшие ветки, то на сожжённые верёвки, он лез под ноги, путался в волосах, а люди не замечали его — или не хотели замечать.

А небо было пронзительно-синее, до боли и кислого привкуса во рту. Оно было таким глубоким, таким высоким, таким синим... С дымкой на северо-западе, сероватой, полупрозрачной, почти невидимой...

А пепел всё сыпался и сыпался. Он появлялся ниоткуда, просто возникал в небе и медленно падал.

А вечером небо стало тёмно-фиолетовым, почти чёрным, и яркие звёзды на нём казались такими близкими и недостижимыми одновременно. Воздух был чист и свеж. Пепел уже не сыпался, лишь тихо перемигивались небесные огоньки.

А утром пошёл дождь. Он затянул небо мглистыми, набухшими облаками, принёс в город запах дыма и воды. И какая-то тревога носилась в воздухе, заставляя сердце биться в особенном ритме, а люди не замечали её — или не хотели замечать.

Дождь смыл пепел, и теперь смывал прошлое города, а люди опять не хотели замечать, что в лужах отражаются их умирающие души.

Дождь закончил то, что начал пепел, но люди так и не заметили, что вчера сгорели последние нити, а сегодня по ручейкам дождевой воды утекают последние минуты умирающего мира.

Что им нужно? Задаёшься порой этим вопросом и... не находишь ответа. Да и не может быть его. Ибо сами они не знают, что им нужно, да и нужно ли что-нибудь вообще.

Издревле человечество требовало хлеба и зрелищ. И что же? В доме может не быть ни крошки, зато зрелищ предостаточно. Каждый день все каналы, первые полосы, да и просто жизнь заполнены такими картинками, что поневоле завидуешь слепым. Грязь, кровь, беспредел, всё самое звериное, самое низменное и потаённое вытаскивается на всеобщее обозрение.

Нате, жрите, насыщайтесь! Таких зрелищ вы хотели, к этому стремились?!

И психическая атака достигает своей цели: заброшены дети, и детям наплевать на всё. Ещё бы, если они ежедневно видят вокруг себя лишь злобу и равнодушие.

Человека пытаются превратить в тупое, бездушное, кровожадное животное, и, кажется, процесс близится к завершению. Какому маэстро мы должны похлопать? как, вы даже не появитесь перед публикой? Даже под гром аплодисментов? Какая скромность! Bravo, маэстро!

Фокус удался, так неужели же мы позволим измываться над собой, позволим уничтожить наше человеческое достоинство, подавить сознание, растоптать совесть, вычернить всё светлое и доброе, что ещё теплится в нас?

В книге «Гадкие Лебеди» четырнадцатилетний мальчик говорит: «То, что наиболее естественно, наименее свойственно Человеку».

Люди, ведь вы же всё-таки люди, всё-таки человеки, а не звери, не монстры, не моллюски!

Опомнитесь, люди!

Чужие

*...Дождь смывает пепел...
Летающая в облаках*

Тяжёлый сумрак лёг на спящий город,
Тоскливый дождь прошёл вдоль хмурых улиц.
А город тоже был кому-то дорог,
Но кто ушёл — те больше не вернулись.

А люди жили и не замечали
Ни тех, кто знал, ни тех, что уходили,
Что шли к истокам, к самому началу,
Пройдя до них бесчисленные мили.

Мы тоже родились под этим небом,
Мы тоже этим воздухом дышали.
Но нас не радовали редкие победы,
Но мы обид и боли не прощали.

Мы здесь чужие, но мы видим раны
На теле искорёженного мира.
Нам горек вкус отравленных туманов,
Что заполняет здесь бесчисленные дыры.

И мы уйдём, уйдём, не оглянувшись,
И мы откроем двери и дороги,
Оставим мир глухих и равнодушных,
Уйдём, оставив след свой на пороге.

Пусть в груди неверцев злость клокочет
И скалят зубы здешние вампиры,
Пусть отпускать нас кто-то и не хочет,
Но мы уйдём из гибнущего мира.

Лукошаў Гесмузаў

Второй шанс

Я прикрыл веки и провалился в неглубокий сон.

— Ты что, уснул? — Мари толкает меня в бок. — Ты вообще слушаешь меня? Ну, так вот, ты никогда не хотел отмотать немного назад свою жизнь и изменить какой-нибудь свой поступок?

Она, как всегда, упивается мечтами...

Часы уже давно пробили двенадцать. Новогодний стол заметно опустел, а все гости уже давно мирно сопят в своих домах. Я с Мари сижу в беседке, находящейся за нашим домом. Она укрылась пледом, по-моему, больше для вида, нежели для согревания.

Она очень мечтательна.

Но за это я её и люблю.

Ведь без иллюзий наш мир никогда бы не был таким красивым.

Только такие, как Мари, наполняют наш мир красками...

Эта милая и глупая наивность.

Каждый раз, глядя на Мари, мне хочется прижать её к груди. Прижать и оградить от всех — всех — всех невзгод.

Именно таких женщин и любят чаще всего.

Ведь каждый мужчина хочет казаться для своей девушки одновременно Геркулесом, Эйнштейном и Казановой.

Даже если ты пресловутый Егоров.

— Например, подарить тебе вместо колечка браслетик? — Мари улыбнулась и довольно потёрла мой подарок, находящийся на безымянном пальце. — Нет, не хотел бы... Пойми, ведь всё, что должно было случиться — случилось. Не больше и не меньше. И хотеть чего-то менять — глупо.

— Даже тот момент, когда мы поссорились из-за дня рождения? — с огромным удивлением спросила Мари.

— Даже его, — ответил я без всяких эмоций. — Я просто чертовски устал и хочу спать... Мари, поговорим завтра?

— Ты... — начала она, и блестящие бусинки слёз появились на её глазах. — Ты себе не представляешь, что я пережила. Мы с тобой могли расстаться! Навсегда!

— Остынь, Мари! — Да уж... вот и говори после этого то, что реально думаешь... — Я всего лишь ответил на твой вопрос! Чего ты кипятишься?

— Бездушная скотина!

Вижу. Вижу по глазам, что Мари хочет что-то сейчас разбить.

И желательно мне об голову.

Не найдя ничего подходящего, она сняла и швырнула в меня кольцо.

Вот оно катится, поблёскивая своими золотыми боками.

Вот оно начинает крутиться возле одного места.

Вот оно падает.

Прямо как символ нашей любви.

Всхлипывая, Мари уносится прочь из веранды.

Через пять минут она оденется. Через семь возьмёт машину, и ещё через пятнадцать минут она уедет.

Боже, почему всё так? Именно сегодня, в Новый Год от меня уходит моя любимая девушка?

Хотя...

Я никогда в тебя не верил.

И прошу я в первый раз.

Кто там?

Аллах?

Будда?

Бог?

Я не знаю, как тебя зовут, да и имеешь ли ты вообще имя.

Но прошу.

Именно сегодня. Именно в Новогоднюю Ночь. Соверши чудо. Верни Мари сюда.

Я слышу топот её каблучков.

Неужели чудо свершилось?

Нет.

Звук уезжающего вдаль автомобиля заставляет меня забыть о просьбе Небесам, озвученной пару минут назад. Чудес не бывает.

Я прикрыл веки и провалился в неглубокий сон.

— Ты что, уснул? — Мари толкает меня в бок. — Ты вообще слушаешь меня? Ну так вот, ты никогда не хотел отмотать немного назад свою жизнь и изменить какой-нибудь свой поступок?

Она, как всегда, упивается мечтами...

Часы уже давно пробили двенадцать. Новогодний стол заметно опустел, а все гости уже давно мирно сопят в своих домах. Я с Мари сижу в беседке, находящейся за нашим домом. Она укрылась пледом, по-моему, больше для вида, нежели для согревания.

Она очень мечтательна.

Но за это я её и люблю.

Я молчу.

Что лучше сказать, если у тебя всего одна попытка?

Что говорит лучше слов?

Мари смотрит на меня. Смотрит так, как умеют дети, которые непоколебимо верят своим родителям.

Я избегаю ссоры. Всего лишь одним движением головы. Целую её в губы. Ответ просто станет не нужен.

Замечаю на её плече пёрышко.

— Это твоё, — говорю я, снимая с её плеча перо.

— Ты намекаешь, что я курица? — игриво спросила Мари.

— Я намекаю, что ты ангел. Мой ангел.

Поднимаю глаза к небу.

«Спасибо тебе. Спасибо за второй шанс».

Живи

Я держу прозрачный флакон с последними каплями Эликсира и смотрю в её глаза. В её бесконечно глубокие и красивые карие глаза, поблёскивающие бриллиантами слёз. Ах, я же не представился.

Привет.

Меня зовут Алексей, и сегодня ровно семь дней.

Семь дней с того момента, как я умер...

*

Зимний гололёд особенно страшен перед Новым Годом, когда уже весь ум за праздничным столом, а тело всё ещё мчитя по дороге на твоём автомобиле.

— И я тебя люблю. Уже еду...

Я бросил телефон на сиденье и достал из кармана футляр.

Мы с ней были вместе целых два года.

Рука в кармане сжала кольцо, которое я собирался подарить. Именно сегодня я скажу Полине, что хочу связать всю свою жизнь с ней.

Надо спешить, нас ждут её родители.

Гололёд на дороге мешает управлять.

Поворот.

Ещё один.

Удачно.

Немного набираю скорость.

Машина не слушается всё больше.

Поворот...

*

Именно сегодня.

Тридцать первого декабря две тысячи девятого года мне суждено было разбиться. Именно так и заявил мне мой бывший Ангел-Хранитель.

Заявил, и предложил мне два пути — отправиться на Суд или остаться здесь, дабы иметь возможность уйти на Суд вместе со своими близкими.

Бесспорно, я был предупреждён, что тяжело видеть любимого тебе человека счастливым.

Счастливым без тебя.

Что тяжело видеть, как любимая женщина заводит новую семью.

Как рассказывает о тебе как о своём бывшем.

Да, это трудно.

Но мне нужны лишь мгновения.

Я хочу почувствовать в последний раз запах её сладких волос и заглянуть в эти полные любви глаза...

Ангел вручил мне Эликсир — то, без чего призрак не сможет долго существовать. Примерно раз в сутки, по его словам, мне требовалась ровно капля этой жидкости, чтобы продолжать влачить своё жалкое существование в оболочке из эктоплазмы.

Мне не страшно ничего.

Я хочу почувствовать в последний раз запах её сладких волос и заглянуть в эти полные любви глаза...

*

В тот Новый Год она не праздновала. Ни разу не подошла к столу и не выпила ни капли.

Больно.

Мне было мучительно больно наблюдать за тем, как она страдает.

Когда эти губки, ощутить вкус которых я так мечтал всю эту неделю, сжимались, делая и без того грустное лицо ещё печальнее.

Когда глаза, тёмные, как ночь, наливались слезами и краснели.

Я чувствовал, что я виноват, что я последняя скотина, урод и кретин.

Лишь потому, что умер и заставляю Полину страдать.

И вот я обнаружил, что если набрать Эликсира хотя бы на глоток, то можно творит чудеса.

Да-да, самые обыкновенные чудеса.

И что я только ни делал ради того, чтобы поднять её настроение.

Создал сотни порхающих бабочек (и это посреди зимы!) прямо у неё в комнате.

Заставил расцвести яблоню — дерево, под ветвями которого случился наш первый поцелуй...

Всё... я делал всё самое безумное и красивое, лишь для того, чтобы показать, насколько хороша жизнь.

Пускай Мир зол и жесток.

Но для меня Мир добр и прекрасен.

Ведь мой мир — лишь ты!!!

Ты, начиная от мизинцев ног и кончая каштановыми локонами волос. Ты есть самая прекрасная на свете.

И целый свет.

Ты была, есть и будешь моим солнцем.

Но сейчас я вижу твой отсутствующий взгляд. Вижу твоё смятение и твою печаль.

Прошу, перестань делать мне больно!!!

*

Полина кладёт на стол тоненькую бумажку.

Тест на беременность. Две полоски.

Я ушёл именно тогда, когда был особенно нужен тебе.

Прости меня.

Она встаёт и медленно направляется в сторону балкона. Опять курить. Как я этого не люблю...

Но нет. Ни зажигалка, ни сигарета не появляются в её руках. Вместо этого она встаёт на перила.

Нет. Ты просто не можешь этого сделать.

Залпом выпиваю всё содержимое флакона с Эликсиром.

К чёрту Вечность!

Приостанавливаю время.

Надо действовать быстро.

Спрыгиваю с балкона.

Что теперь? Одна идея есть...

Ломаю асфальт.

Направо вниз, налево вниз, посередине.

Вниз, направо вверх, вверх.

Вниз, два кружка один над другим.

Вниз, направо вверх.

Всё. Сила иссякла, и мне так и не удалось закончить слово.

Жить мне осталось не больше нескольких минут.

Гляжу вверх.

Полины уже нет на балконе.

Она не глупая, всё поняла.

Поднимаюсь на двенадцатый этаж, подхожу к ней.

Моя девочка сидит в углу и плачет.

В последний раз целую её губы. Не чувствую ни тепла, ни вкуса. Но мне важен лишь сам факт.

Что я написал?

Всего лишь просьбу.

Ради меня.

Ради нашего ребёнка.

«Живи»

Я дематериализовался. Сильный январский ветер порвал моё призрачное тело на кусочки.

Ну и пускай я променял вечность.

Но променял её на две жизни. Самых любимых и самых лучших...

Кастизэль

Кастизэль сидел наверху.

Наверху всего мира.

Собирался дождь, поэтому ему не доставляло абсолютно никакого удовольствия сидеть на тёмной маленькой тучке. Он поправил свои крылышки. Глянул вниз — там, на пару сот километров вокруг, простиралась чудесная зелёная долина.

Наблюдая за птицами, кружащими вокруг него, Кастизэль лёг и задумался о мироздании. Нет, он никогда не был ни философом, ни просто серьёзным Ангелом, да и вид внизу говорил только об одном: «Живи, радуйся, не думай ни о чём!»

Но его именно сейчас тянуло думать. «Наверное, это туча повлияла!» — думал про себя Кастизэль, с умным выражением лица накручивая локоны на палец. Он обладал интеллектом, который даже не снился ни одному из наших гениев, но на вид Кастизэлю было не больше двух лет (по земным меркам, естественно).

Собственно, так оно и было. Ровно два года, как Его люди, Михаил и Мария, полюбили друг друга. И именно тогда, когда они оба поняли это, появился Кастизэль. Именно так и бывает. Когда двое влюбляются, появляется Ангел. Сначала — это просто маленький купидончик, эдакий карапуз, который только и делает, что в костюме Адама (или Евы) рассекает по небесным просторам, потом только начинают появляться кудри на голове. И эти кудри бывают только золотистого цвета, это так заведено испокон веков...

Кастизэль прервал размышления. Встал, поправил свою тунуку, расправив свои крылышки размахом в полтора метра, и полетел. Ветер как-то странно волновался впереди, похоже, сейчас что-то должно было произойти...

*

А в это время на Земле...

— Ира...

— Да, Сергей?

Пара сидела за столиком одного маленького, но уютного кафе и без особого аппетита доедала десерт. Тот, кого девушка назвала Сергеем, взял её за руку. Посмотрел прямым взглядом ей в глаза, не выдержал и опустил их. Влага стала собираться в уголках ЕГО глаз.

— Ир, я уже очень давно хотел тебе сказать, ведь для меня это не пустые слова...

— Что?

— Ты — та, ради которой мне не жаль ничего. Я обещаю быть только твоим и жить только ради тебя...

— Почему? Почему ты говоришь такие слова, будто помешался рассудком?

— Потому, что я люблю тебя. Это даже хуже, чем слабоумие.
Влага начала собираться в уголках теперь уже Её глаз.

*

Кастизэль приблизился к потоку тёплого воздуха. Поток всё набирал и набирал скорость, закручивался спиралью, и, наконец, с громким хлопком лопнул. Посреди того места, где только что был маленький торнадо, махая крылышками, висел купидончик.

— Как твоё имя? — спросил Кастизэль.

— Как твоё имя. Как твоё имя, — хихикая, начал повторять купидончик, совершая в воздухе фигуры высшего пилотажа.

Кастизэль знал, что с купидоном невозможно договориться, пока тот не наиграется. Или пока люди не поймут, не признаются в том чувстве, из-за которого и появилось это очаровательное недоразумение.

*

— Что ты говоришь? Почему?

— Ты украла моё сердце. Мне недостаёт твоих рук. Не могу ничего есть. Если рядом нет тебя, я ложусь спать только с мыслью, что завтра новый день, и я снова увижу тебя... И от всего этого есть только одно лекарство — это только твой ответ.

Комок подступил к горлу Ирины. Как долго! Как долго она ждала именно таких слов.

— Я... Я...

*

Купидон вдруг начал резко падать. Кастизэль не растерялся. Тоже свернув крылья, он бросился вслед за купидоном. На полпути к земле поймал его.

*

— Я тоже тебя люблю... — сказала Ирина и прильнула к губам Сергея.
«Почему, почему так долго ты об этом молчал?» — только одна мысль находилась в её голове

«М-м-м, шоколад», — пришла мысль Сергею.

Просто он был так счастлив, что думать ему вовсе не хотелось... =)

*

Держа за подмышки маленького купидона, Кастизэль начал поднимать его вверх, махая крылышками с удвоенной скоростью.

— Уф, какой тяжёлый!

— Может, тебе бы пора меня отпустить?
Кастияэль вскрикнул, разжав руки. Подлетел повыше.
Купидончик изменился, значит, ответ получен. Только, видать, другая сторона с признанием не спешила. Колебалась.
— Лафаэт.
— Чего Лафаэт?
— Тебе было интересно моё имя? Ну, меня зовут Лафаэт.
— А я Кастияэль...

*

Михаил звонил Светлане. Надо было сказать. Уже давно надо было сказать. Он не будет мужчиной, если не признается.
— Алло?
— Марина, привет.
— Да, Миш.
— Света я должен кое-что тебе сказать.
— Чего?
— Понимаешь...

*

Кастияэль сидел на облачке. Маленьком и тонком. И, как всегда, наблюдал за своей любимой долиною... Вот уже две недели, как он спас Лафаэта.

Резкая боль резнула его лопатки. Он оглядел её. Крылья, его белоснежные крылья освобождались от перьев.

«Не может быть... нет, не надо, не надо...»

Перья, повиновавшиеся воздушному потоку, разносились в разные стороны. Крылья уже не белоснежны, их покрывают пятна алой крови.

«Зачем? Почему? Как так можно? Я долечу до них, и они всё поймут и перестанут делать мне больно...»

Кастияэль резко взмыл в воздух, набирая скорость, двинулся к городу...

*

— Нам надо расстаться, — наконец вымолвил Михаил.
На том конце провода послышались короткие гудки...
Марина всё понимала. В последнее время Михаил вёл себя не так, как всегда, что-то изменилось в нём самом. Два года жизни были перечёркнуты одной фразой. И единственный друг, который согласился помочь ей, была подушка, вшитывающая все её слёзы...

*

Кастизэль летел. Но не вверх. Обессиленное и всё перемазанное красным тело маленького ангелочка стремительно летело вниз. Крылья уже просто не могли махать, поэтому Кастизэль надеялся только на силу притяжения. Только одна она может избавить его от страданий.

*

Михаил вышел из дома. Посмотрел на часы. Ровно через двадцать минут у него свидание. Он закурил. Двигая большим пальцем руки кремень зажигалки, он заметил севшее ему на руку белоснежное перо, окаймлённое алой кровью.

«Тьфу ты, сейчас ещё каким-нибудь птичьим гриппом заболею», — подумал Михаил, стряхивая остатки своей бывшей любви...

*

А ты, дорогой мой читатель, никогда не задумывался, что расставание приносит страдание ещё кому-то, кроме тебя и твоей половинки???

Я не эфемер

Я вышел из своего Дома. Зачем мне всё это надо?

Не знаю.

Просто я занимаюсь этим, сколько себя помню, хотя никогда не знал ни отца, ни матери.

Самым первым воспоминанием было указание ко всей моей будущей жизни. Полная темнота и голос где-то внутри: «Попробуй, попробуй, попробуй...»

Разочаровался я в самой жизни очень давно. Примерно сто пятьсот лет назад, если выражаться словами одного моего недалёкого знакомого. В переводе на человеческий, это означает «много».

Смотрю на небо.

Э-э-эх, опять это делать. Как же не хочется, но, как говориться, кто, если не я?

Всматриваюсь в Солнце. Так, что там надо сказать?

Абсолютно ничего.

Нужно лишь один раз подумать, что следует сделать этому огромному горячему шару. Мысленно передаю ему команду к действию.

«Опустись», — устало говорю я ему, и солнце медленно начинает клониться к закату. Ну вот, ещё один день прожит не зря.

Ещё один день.

Простой день.

Выхожу из Дома.

Ночь начинается...

Кем я хочу быть сегодня вечером? Может, знойным мачо? Или застенчивым ботаником?

Кто я? Кто же я такой?

Этот вопрос я задаю себе уже «сто пятьсот» лет.

И никак не нахожу ответ.

Беру свою сумку, перекидываю её через плечо.

Примерно два года назад я вновь заинтересовался жизнью в цивилизации. Хоть меня и раздражают эти каменные джунгли, но в них есть определённый шарм.

Сегодня я буду абсолютно среднестатистический парень.

Никаких излишков.

На выходе из подворотни отрачиваю себе волосы немного длиннее, чем принято. Под курткой надуваются мышцы.

Не люблю туповатых качков, но и казаться жердью мне не очень хочется.

Хотя кого интересует мнение этих эфемеров?

Вижу одинокого мальчика, играющего перед проезжей частью.

— Малыш, хочешь фокус? — спрашиваю я его.

— Ага, — отвечает он.

— Смотри мне в глаза.

Он сосредотачивается, пристально всматривается, не отводит взгляд. Я своими голубыми глазами смотрю на него. Вращаю глазами, пускаю вверх — вниз, и... моргаю. Малыш не может сказать не слова. Он в трепете. Улыбка медленно наползает на его лицо:

— Ты волшебник?

— Нет, я просто учусь... — сказал я, не сводя с него своих уже сиреневых глаз.

Ночь — это моя стихия.

*

«Симпатичная курточка», — подумал я, проходя мимо модного магазина с одеждой. Одно мгновение, и синеватая куртка оказывается на моём теле. Вы спросите, зачем мне эта смертная суета? Да, вечность учит терпению, однако она же учит и ценить время.

Почему?

Да просто странное ощущение, когда ты моргнул, а младенец превратился в старичка, моргнул ещё раз, и уже его внук выглядит, как его дед только что. Не знаю, почему, но все мои дети рождались смертными. Более того, ни один не унаследовал моего дара.

А как жаль.

Бывает, я вам даже завидую.

Вы можете уйти на покой, а я обязан вечно нести свою треклятую службу...

Захожу на пляж.

Начинает холодать.

Присоединяюсь к компании молодых и очень весёлых людей... уже очень весёлых. Немного выпив вместе с ними, прохожу к морю.

Как я люблю его...

Море помогало мне в самые трудные минуты.

Когда я несколько раз потерял любимых женщин.

Когда меня впервые попытались убить за попытку сделать страну лучше... мой приёмный сын, Марк, тоже был там. Именно он нанёс последний, по его мнению, решающий удар. Я помню его глаза, полные злобы, его губы, скривившиеся в усмешке, и мои последние адресованные ему слова: «И ты, дитя моё» (кстати, можете почитать труды древних относительно жизни Юлиуса Цезаря).

Э-э-эх, как мне одиноко...

Но я понимаю, что ничего изменить невозможно. Я не могу перестать выполнять свою работу. Ведь я так люблю всё живое!

Я помню трилобитов.

Я был одним из них.

Помню динозавров.

Кстати, в образе палеозавра я до сих пор, бывает, пересекаю в водной глади. Как много было трёпа после того, как я в озере Loch-Ness пару раз поплавал в своём любимом обличье.

*

— Простите, вы будете не против, если я присяду рядом с вами?
Цепь моих рассуждений рвётся самым наглым способом.

— Конечно, — говорю я — без особого энтузиазма.

— А почему вы сидите один?

— Я люблю одиночество.

— В одиночестве человек часто чувствует себя менее одиноким.

— Вам нравится Байрон?

— Ну да, а вы читали его стихи?

— В некоем роде... — отвечаю я. Не признаюсь же я первой встречной, что я был Байроном???

— Я Кассандра. А вас как зовут?

— А вам какое из имён? Их много. Даже слишком... к сожалению.

— А как вас называли родители?

— Я никогда не знал их. Но все называли меня Гелиос. Или просто Гелий. Друзья меня часто называют Просто Гел.

Какие, к чёрту, у меня друзья? Агамемнон и Чингисхан?

Чего-то меня сегодня понесло. Эта девушка меня доводит своей простотой.

— Ну, теперь, когда мы познакомились, я не прочь перейти на «ты». Вы за?

Девочка, да ты со мной рядом просто зигота, куда ко мне на «ты»? Раньше было честью поцеловать мою пятку! А она предлагает на «ты!» Ну как же так? И это дань уважения языческому Богу?

Кассандра продолжает смотреть на меня своими изумрудными глазами.

— Можно, — буркнул я, присаживаясь рядом с нею...

*

Никогда, ни с одной женщиной мне не было так интересно, как с ней!

Мы около восьми часов с ней спорили. О книгах, стихах, живописи и музыке. Обо всём, что отличает человека от животного.

«Похоже, я столкнулся с самой умной женщиной на свете», — мелькнула у меня в голове мысль. И в каждой из областей знаний мы с ней имели разные взгляды. Она спорила и спорила, будто это было то, чем она занималась всю жизнь. Как моя история с Солнцем.

— Да ты ничего, абсолютно ничего не понимаешь во всём этом!!! — её голос уже намного громче того тихого, ангельского голосочка, с которым она ко мне сегодня обратилась.

— Да? Ты в этом уверена? — я нагло смеюсь ей прямо в лицо. Как странно.

Она лучше меня!
Во всём!

Я, древний бог, трижды фараон и пятикратный император!!!

Да, это я написал все эти книги, читая которые, вы смеётесь, захлёбываетесь слезами, сочувствуя тому или иному герою, или ненавидите отрицательного персонажа всей душой.

Я!!!

Это всё я!!!

И кто меня делает по всем параметрам?

Женщина, едва познавшая жизнь!

Сколько ей?

Двадцать?

Двадцать пять?

Эх, всегда так непросто с женщинами... они самые непредсказуемые существа.

— Я тебе могу это доказать!!! — крикнула она, впиваясь в мои губы.

Разговор наш зашёл о самом древнем индийском трактате, посвящённом любви.

*

Она сотворила для меня то, чего не делала ни одна женщина — она меня любила. Я чувствовал её учащённое дыхание, биение сердца, сладкую дрожь по всему телу. Да, она именно любила меня.

Не просто как сексуального партнёра, а всей душой.

Это и называется любовью.

Любовью с первого взгляда.

Она бы ко мне не подошла, не заговорила, не рассказала бы так много о себе, если бы не это странное чувство.

Я встал.

Повернулся.

Посмотрел на Солнце.

Оно находится уже высоко в небе...

Но как???

Я упал на колени и заплакал.

Впервые в жизни.

Такого никогда ещё не было.

Это нереально.

Этого просто не может быть...

— Гел, что-то не так?

Ну да, конечно, не так!!! Тысячи тысяч лет я жил просто так!

— Гел, объясни, чего с тобой? Что именно не так? Объяснись же, наконец!!!

Всё вам надо объяснять... она забрала у меня мою работу. Суть всей моей бесконечной жизни. Как мне теперь жить с этим???

Хотя...

Скорее, сняла с меня древнее проклятье...

Очень и очень древнее...

— Ты подарила мне больше, чем свою любовь. Ты подарила мне освобождение.

Я поцеловал её в губы. Встал, в последний раз в жизни.

И рассыпался на мириады молекул.

Блаженно улыбаясь.

Кассандра стояла пару секунд в ступоре.

— Э-э-э нет, так дело не пойдёт, — говорит она, собирая из моих молекул моё же тело. — Ты собираешься просто так уйти в небытие, после того, как я искала тебя столько лет?

— ...колько — спрашиваю я, только что восстановившимся языком.

— Стопятьсот... — улыбается она...

Но никто из нас обоих не знал Слово, старое, как мироздание, что было сказано во время появления вселенной одним из её создателей:

«И лишь любовь способна созидать и разрушать. Любовь дарует им освобождение, но лишь когда они найдут друг друга...»

The end

Hoang

Душа

Она устала от всего,
Она устала ждать, любить,
А он никак не мог понять,
Что счастья не дано.

Она хотела убежать,
Закрыться, закричать,
А он никак не мог понять,
Что ей пора увянуть.

Она ловила воздух ртом,
Она бежала от него,
А он никак не мог понять,
Что не любил её.

Она хотела умереть,
Лишь бы не видеть его,
А он никак не мог понять,
Что слёзы — кровь её.

Она пыталась не дышать,
Не видеть и не жить,
А он никак не мог понять,
Зачем ей надо уходить.

Она рвалась на волю,
Она ушла на небеса,
А он никак не мог понять,
Что то была его душа!

Из цикла «Твоё письмо»...

1

Слезой нарисовав безоблачное небо
и кровью капнув на него,
я прошепчу без злости или гнева,
как я люблю его...

2

Лист лежал у кромки пруда,
Средь грязных травы и песка,
Пять слов размытых навсегда —
«Я больше не люблю тебя...»

3

Она шла по тёмной улице,
Средь рядов девятиэтажных домов,
Дождь стучал по разбитой бойнице,
Возрастала боль, убивая любовь...

4

Ласковый шелест листьев осенних,
Сладостный шёпот ночного дождя,
Тонкая струйка крови с запястья
С грустью напомнит мне про тебя...

Мечты

Закрой глаза, что видишь ты?
Прекрасные долины и мосты,
Где брезжат первые лучи?
Иль море видишь ты?

Прислушайся, что слышишь ты?
Наверно, песнь бегущего ручья,
А может, шелест листьев у моста?
Иль мягкий шёпот волн?

Постой, не открывай свои глаза,
Прошу тебя, побудь ещё со мной,
Ты слышишь — мы одни с тобой,
Ты видишь — две пары чёрных стен.

* * *

Ночь, опускаясь на землю, преображает всё, любое дерево, даже если оно вам с детства знакомо, становится иным, незнакомым, таинственным и загадочным. Каждая травинка преображается и изменяется. Тихо меняются цветы, закрывая свои лепестки, изменяются дома, когда исчезает свет в окнах, изменяешься ты, становясь защищённым и укрытым под покрывалом, наступившей ночи.

Дождь, медленно стуча по холодному асфальту, смывает всё, умывает всё живое, омывает деревья, и цветы... Вы никогда не замечали, что под ровный стук капель о стекло приходят самые точные мысли? Дождь как бы смывает занавесу и открывает ваши глаза, и вы видите то, чего раньше не видели.

Сломанная стрела

Он сидел под большим деревом, лёгкий шелест листьев успокаивал душу. Крона дерева закрывала для него чистое голубое небо, но ему было всё равно, он сидел с закрытыми глазами. Его сердце бешено билось в груди, каждый удар отдавался в голове, перед его взором стояла она. Он помнил её такой, какой увидел полгода назад: прекрасная девушка с чёрными, отдающие синевой, как ночное небо, волосами, её глаза были как звёзды, а кожа белая, как луна в ясную ночь. Он встретил её в этом лесу, именно около этого дерева...

Большое дерево с тёмным и толстым стволом возвышалось посреди поляны. Его мощные корни впивались в землю. Листья звенели на ветру, переливаясь всеми оттенками жёлтого, красного и золотого. Многие уже опали, создавая шелестящий ковер под ногами. Она сидела на корточках и собирала букет из них. На ней было длинное платье, с воротом и широкими рукавами, серое, с рисунком. Было такое чувство, что на её платье изображены те листья, что лежали у её ног.

Он вышел на эту поляну и остановился, девушка покорила его сердце с первого взгляда. Она встала и повернулась, он никогда не забудет блеск этих звёзд, этот взгляд. Его сердце жалось, потом резко стукнуло, а затем остановилось, он услышал её голос, прекрасный, как пение птиц этого леса, как журчание ручья за оврагом, как шелест листьев этого дерева, лёгкий, как полёт пера, и яркий, как солнечный свет. Он молчал. Он хотел снова и снова слышать этот голос. Он медленно умирал без него...

Он открыл глаза, её не было рядом и никогда уже не будет. Он никогда больше её не увидит. Никогда! Лёгкий весенний ветерок нежно трепал листья заветного дерева. Когда-то ветер ласкал её волосы. А теперь её нет. Он посмотрел на небольшой холм с камнем и снова закрыл глаза...

Она умирала на его руках, такая же прекрасная, ужасно красивая, но смертельно грустная. Девушка была пронзена чёрной предательской стрелой. Он почувствовал последние капли крови на своих руках, последние слабые удары сердца, последний раз она выдохнула воздух...

Он открыл глаза, слеза скатилась по его щеке. Парень достал чёрную стрелу, на наконечнике которой виднелись следы от крови, засохшие, потускневшие и еле заметные, но следы её крови.

«Почему, почему не я, почему она? Жизнь, любовь, счастье — всё это исчезло, когда не стало её», — он сломал пополам стрелу и кинул её в молодую ярко-зелёную траву.

Встав, он углубился в лес и больше никогда не приходил на эту поляну.

А стрела так и осталась лежать у её могилы, сломанная, как его жизнь.

Сон

Ты помнишь?
Ночь, стук капель о стекло,
Свечу, мою горящую любовь?

Ты помнишь?
Слеза катилась по щеке,
И губы, терзавшие твои?

Ты помнишь?
Ласку моих рук и
Нежные глаза мои?

Ты помнишь?
Как было хорошо, но
Солнце нас разъединило?

Ты помнишь?
Это был лишь сон...

Три дня ада

Это три дня пожирающего тебя ада. Забирая всё, он оставляет только раздражение, одиночество и тоску. Тоску, которая давит на тебя, даря ощущения, будто сходятся стены и на тебя падает потолок.

Три дня ада, когда ты способен думать только об очередной дозе обезболивающего. Ты чувствуешь себя последним наркоманом, стоящим на краю пропасти. А сзади только пустота прошлого, а впереди... Будущее? Да? твоё будущее — это пропасть. И ты сам сделаешь шаг и отправишься вниз. Ты захочешь расправить крылья, но они разорваны, ведь ты сам их изрезал. Они будут в крови, запёкшейся, старой, ведь ты давно уже в таком состоянии.

Запах крови. Ты вдохнёшь его, и он поглотит тебя, наполнит энергией, которая снимет усталость и принесёт тебе ни с чем не сравнимое удовольствие. Ты захочешь ещё крови, ты будешь готов убить. Но рядом будет только пустота...

Ты будешь продолжать падать вниз, у тебя не будет второго шанса, у тебя не будет возможности спастись. Мимо тебя будут проноситься воспоминания. Твои же воспоминания, которые всегда приносили тебе только нестерпимую боль.

Она... Её глаза... Её голос... Её кровь на твоих пальцах... Её слёзы... Её последний вздох... И последний удар её сердца...

Ты остановишь череду воспоминаний мыслей: «Фу, гадость... очередная банальная история любви... Забыть! Навсегда! Никогда не вспоминать!»

Очередной приступ боли и очередная доза обезболивающего.

Теперь легче... Живи, тварь, живи, это твоё наказание. Три дня ада... За что? За счастье дышать... За счастье видеть восходящее солнце... За счастье открыть утром глаза... За счастье проснуться и увидеть небо... За счастье наблюдать за порханием бабочки...

Три дня ада...

Hochzeitsplan

Вампир

Ты — вампир, судьба твоя —
жизни брать и убивать!
У тебя сегодня пир —
люди будут умирать!

Ты не знаешь слова «жалость»,
и с твоих кровавых уст
вдруг слетает слово «мало»,
но душа твоя устала
и пытается уснуть...

Тебе нравится затмение —
ночь приходит среди дня,
не хватает нам терпенья,
чтоб убить людское время,
чтобы землю окропить,
суд над людом совершить!

Идущий в никуда

Посвящается всем байкерам

*Ты долго будешь гнать свой байк,
Вздымая тучи пыли на дороге...
Забыв о горести и трудностях своих,
Ты будешь вечным королём дороги...*

Загородная ночная трасса. Небо усыпано маленькими огоньками звёзд. Иногда кажется, что все от нас ушедшие займут своё место на ночном небо-склоне, и мы будем опять их видеть, разговаривать, но уже не услышим ответа...

Вдалеке на дороге послышались шаги и тихий голос, напевающий песенку Iron Maiden «...?». Молодой парень, лет 25, шёл навстречу рассвету. В косухе, в кожаных штанах, в казаках, в футболке Iron Maiden, с длинными тёмными волосами, собранными в хвост, он нёс в руке гитару. Его взгляд не выражал абсолютно ничего, кроме боли. Он шёл к месту... своей смерти...

Казалось бы, что может убить молодого байкера с огнём в крови, с жаждой скорости? Но... никто не застрахован от пьяных психов на дороге, которым уже ничего не нужно от жизни...

Парень подошёл к обочине, сел на траву рядом со смятым байком и принялся играть на гитаре. Лишь кровавые разводы на асфальте напоминали о вчерашней трагедии.

За горизонтом стал показываться золотой диск утреннего солнца. Мимо проезжали машины, и люди не видели парня, — они просто не смогли бы его увидеть, — а он всё продолжал играть. Когда погасла последняя звезда, вдалеке послышался гул нескольких байков. Парень отложил гитару и встал, подняв голову к небу — оно стало затягиваться тёмными тучами. Около парня остановились несколько мотоциклов. Парни поставили у байка своего друга свечи, а маленькая хрупкая девушка в коже поставила фотографию и, положив рядом цветы, встала на колени... из её глаз маленькими жемчужинами текли слёзы. Парень всё видел, но никто не видел его. Он опустился на землю рядом с девушкой и обнял её — та лишь почувствовала лёгкое дуновение ветра, и слёзы парня упали на землю в виде капли дождя...

Один из байкеров положил руку на плечо девушки и тихо прошептал: «Пойдём, нам пора... Клянусь, мы отомстим... Прямо сейчас поедem в больницу к этому ублюдку...»

Парень лишь смотрел вслед удаляющимся байкам, ничего не в силах сделать...

Но он всегда будет жить в их — и наших — сердцах.

И не один байкер, к сожалению, будет «идущим в никуда»... идущим к звёздам...

Этот парень был из тех, кто просто любит жить...

* * *

Мы славим Одина
песнями у костра,
мы — дети Одина,
восхвалявшие небеса!

Кострища разгораются
пламенем до небес,
враги к ним приближаются
сквозь дремучий лес.

Скрестим мечи мы
на поле у костра,
поставим в ряд щиты,
прославим небеса!

* * *

Терновый венок на его голове,
Из глаз его кровью слёзы текут,
На этой земле он — не наш человек, —
И люди в руки камни берут...

За что он боролся столь краткую жизнь?
Чего же хотел он добиться?
Но участь его — распятым висеть
И вскоре столь быстро забыться...

* * *

Что стоит жизнь моя? И вновь
Я не могу пожить спокойно...
И только похоронный звон
Звучит в душе моей достойно...

Быть может, я живу напрасно?
Живу назло своим врагам?
Живу... но жить становится опасно,
И жизнь проходит по годам...

Handwritten

* * *

Посмотри в ночное небо,
Загляни за облака:
Видишь, там, в дали небесной
Зарождается звезда.

Если ты увидел это,
То поймёшь, мой друг, меня,
Почему я в час полночный
Ухожу вдруг от тебя.

Скажешь ты — я ненормальный, —
Может быть, тебе решать.
Ну, а в этот вечер лунный
Я хочу тебе сказать,

Что вон там, среди галактик,
В мире звёзд и тишины,
Открываются все тайны
Нашей маленькой Земли.

Если вдруг ты понял это,
То поймёшь ты и меня,
Почему я в час полночный
Покидаю вдруг тебя.